

Когда Фэн Мин под звуки музыки отправился в путь, пересматривая план непредсказуемого маршрута, ведущего через Тун, экземпляр указа «О равной милости» тихо лежал на столе в загородной резиденции Жо Яня за несколько тысяч ли отсюда.

Сам же император Ли сидел перед ним, словно желая что-то отыскать в этом тонком, разостланном на деревянной поверхности, пропитанном чернилами шёлке. Долгое время мужчина пристально смотрел на копию официального документа, которую принесли слуги.

Копия являлась «подарком» от Жун Тяня, который разослал её всем императорам Поднебесной в качестве «огромного подношения», загадочно появившегося в нескольких маленьких городах, а также в самой столице Ли.

Документ был расклеен на стенах в переулках либо словно случайно забыт владельцем, потерян в маленькой винной лавке, чтобы какой-нибудь слуга или служанки низшего ранга подобрали его, ведь если кто-то из них, нашедших указ, окажется грамотным и прочтёт его другим, то непременно вызовет у простолюдинов восхищение, а за ним и смуту в настроении народа.

Бравая охрана столицы — Литун, получив приказ императора Ли, Жо Яня, строго обходилась с теми, кто распространял указ «О равной милости», а также с чтецами и теми, кто дискутировал на эту тему, собирая народ. Жо Янь всех без исключения приговаривал к жестоким телесным наказаниям, только после этого смелые мысли народа немного затихали.

— Указ «О равной милости»... — внимательно смотря на документ, Жо Янь блёкло прочитал красную надпись, красующуюся на шёлке, едва заметно холодно хмыкая.

Густой свет расставленных по всей комнате свечей толщиной с руку отражался на висящих перед дверью и окнами больших багровых занавесках, чётко и ясно выделяя угловатое, словно остриё кинжала, мужественное и мрачное лицо императора Ли.

Звук неспешных и едва уловимых ухом шагов раздался за дверью.

— Кто пришёл?

— Мяо Гуан, получив указ старшего брата, покинула Литун, чтобы приехать сюда и повидаться со старшим братом-императором.

— А-а, это младшая сестра императора, — Жо Янь перевёл взгляд с указа «О равной милости» на дверь. — Войди. Литун находится очень далеко, как получилось, что ты так скоро прибыла? На самом деле, хоть этот император и отправил тебе письмо, не стоило ночью выдвигаться в путь.

— Чем раньше встречу со старшим братом-императором, тем скорее успокоюсь. Ведь после

того, как старший брат-император очнулся и немедленно решил тайком пробраться в Юньинь ради схватки с Жун Тянем, а затем и вовсе не прибыл в столицу, скрывшись в землях Фаньцзя, тем сильно встревожил меня, свою младшую сестру! — Мяо Гуан вошла в комнату и с помощью служанок, что обступили её слева и справа, сняла с себя накидку с капюшоном, после этого отослала слуг и, подойдя к свободному месту возле мягкой циновки, где сидел Жо Янь, села сбоку, бросила взгляд вниз и с улыбкой сказала: — Оказывается, у брата-императора уже есть этот документ, а я специально взяла с собой копию, рассчитывая показать её Вашему Величеству.

Жо Янь похлопал по циновке, желая, чтобы сестра села рядом:

— Указ Жун Тяня «О равной милости», что думаешь об этом?

— Жун Тянь расчётливый и крайне сильный человек, а его методы — жестоки, этот козырь оказался неожиданным и, естественно, весьма неплохим.

— Угу, — слушая начало речи сестры, Жо Янь тотчас же понял, что после похвалы последует осуждение, и, ожидая продолжения, мужчина, смеясь, спросил: — Но?

Мяо Гуан слабо улыбнулась и, скинув сапожки из оленьей шкуры, ступила ножками, облачёнными в белые, не запятнанные грязью, шёлковые носки, на мягкую циновку. С очаровательной леностью девушка села, прижимаясь к плечу старшего брата, и обнажила улыбку, в которой читалась шелковинка чистой лукавости:

— Но, всячески обдумывая, он не учёл, что старшему брату-императору улыбнётся несоизмеримая удача, и он так скоро придёт в себя, таким образом этот неплохой трюк сразу же стал ошибочным.

Жо Янь расплылся в улыбке и крепкой сильной ладонью слегка и в то же время с чрезмерной любовью похлопал сестру по щеке. Но незаметно уголки рта дрогнули.

— При достаточном количестве времени этот указ Жун Тяня «О равной милости» может стать наиболее выгодным оружием в стремлении заполучить Поднебесную. Ведь в мире так много простолюдинов, у которых в сердцах таятся ничтожные и сумасбродные идеи, но высказать их они не посмеют, а этот абсурдный указ, касающийся таких, чья кровь не достойна императорской милости, несомненно станет дождём во время долгой засухи[1], которого будет вполне достаточно, чтобы заставить их изменить своему императору и служить верой и правдой Жун Тяню. Но, — Жо Янь остановился на полуслове, но после всё же продолжил с холодной усмешкой: — Жун Тянь даже собственный престол не смог удержать и, сейчас являясь бездомным псом, разбрасывает указы, чтобы это стало общеизвестно. Только вот чтобы народ Поднебесной поверил ему, потребуется очень много времени.

— Старший брат-император, естественно, не даст Жун Тяню этого времени.

В глазах Жо Яня сверкнула молния, и, внезапно махнув рукой, мужчина пренебрежительно смахнул со стола указ «О равной милости», который тотчас же слетел на пол, после император Ли поднял взгляд кверху и с улыбкой проговорил:

— Самый лучший способ справиться с этим необычным оружием Жун Тяня — медлить со стремительным ударом[2]. Когда этот император, Жо Янь, поглотит Фаньцзя, то все обширные земли вниз по течению реки Оман будут принадлежать этому императору, а когда придёт время, какая маленькая страна-сосед посмеет поднять меч на этого императора и сразиться против бравого войска Ли и хлебных земель двух стран? — Густые, тёмные, прямые, как меч, брови[3] приподнялись, обнажая деспотичный вид, которым не стоило пренебрегать.

Мяо Гуан подняла голову и посмотрела на брата, что пребывал в бодром настроении, мрачные мысли окутали разум, а лёгкий, едва слышный стон сорвался с ярко-алых губ.

Взгляд Жо Яня изменился, а сам император Ли, понизив тон, спросил:

— Отчего вздыхает младшая императорская сестра?

— Пустяки... — Мяо Гуан сама знать не знала, отчего неожиданно вздохнула, и, словно придя в себя, через мгновение успокоилась, после чего шёпотом вернула: — Замысел старшего брата-императора, конечно же, превосходен, но сотню лет одиннадцать государств пребывают в ссоре меж собой, однако никогда об объединении Поднебесной речи по-настоящему не было. Если Фаньцзя официально уничтожить, то все страны станут опасаться нашего Ли, и, боюсь, могут объединиться против Вас, старшего брата-императора.

— Об этом не стоит переживать. — Жо Янь неспешно продолжил: — У Жун Тяня отняли престол, и теперь у бывшего императора Силэй головная боль: как вернуть свой титул, а этот император уже отправил людей и стал поддерживать отношения с Жун Туном, предоставляя всевозможные планы по уничтожению Жун Тяня. Малым странам не интересно, кто победит, а кто проиграет, реальная мощь Силэй может значительно снизиться, позволяя моему Ли противостоять Жун Тяню, а значит, эта угроза уже устранена, и говорить о других странах совершенно не стоит.

И, загибая пальцы, император Ли продолжил:

— Императора Туна недавно похоронили, поднимется мятеж внутри стран, войска Дунфань понесли урон от оспы, не стоит упоминать про Боцзянь, Бэйци, Яньтин, Пужун и остальных, а те, кто обладает властью, глупцы, которые только и могут, что тянуть друг друга за задние ноги[4]. Только бы они не поняли, что нужно объединить войска для контратаки, так как у этого императора есть способы расквитаться с каждой из этих сторон. — Прекратив безразличным тоном считать, Жо Янь вытянул руку и, подняв острый подбородок Мяо Гуан, проговорил, глядя сестре в глаза: — Однако это не повод для твоих вздохов.

— Старший брат-император....

— Скажи откровенно этому императору.

Мяо Гуан слегка испугалась и, склонив голову, пряча взгляд от брата, тихим голосом прервала столь долгое молчание:

— Лишь услышав, как старший брат-император упоминает этот оригинальный способ — указ «О равной милости», который совершенно не могла составить такая от природы титулованная персона, как Жун Тянь, — Мяо Гуан неожиданно вспомнила одного человека.

Жо Янь, слабо улыбаясь, ясно спросил:

— Князя Мина? — Тон его звучал непринуждённо, однако тонкое привлекательное девичье тело едва ощутимо вздрогнуло, а сама Мяо Гуан слегка кивнула.

На что император Ли со вздохом сказал:

— Младшая сестра императора по-прежнему переживает из-за того, что тогда тайно помогла князю Мину покинуть берег реки Оман. Не стоит. — Рукой, что способна была ввергнуть всю Подробную в трепет, Жо Янь ласково погладил склонённую голову сестры и прошептал: — Напротив, после того, как я пришёл в себя и вспомнил прошлые события, то понял: младшая сестра императора сделала то, что должна была. Верно, если бы тогда ты не отпустила князя Мина, то этот император в порыве гнева ворвался бы в шатёр и мгновенно убил бы его.

Мяо Гуан вдруг подняла голову и испуганно уставилась на Жо Яня, с дрожью в голосе говоря:

— Это Мяо Гуан невежественная, не сделай я этого, то старший брат-император из-за гнева не потерял бы самообладание и стрела Жун Тяня не ранила бы его, лишая чувств на столь длительное время.

— Не нужно придавать особого значения случайной победе или неудаче[5]. Этой фразе меня научил князь Мин, великий муж всегда рискует жизнью, потому, что такого страшного в одной вражеской стреле? Когда-то этот император уже пытался убить Жун Тяня, подстрелив как ежа, но, к сожалению, бывшему императору Силэй очень повезло — его неожиданно спасла Мэй Цзи.

Мяо Гуан услышала его тон, в котором на самом деле не было ни шелковинки ненависти и гнева, её мягкий взгляд, направленный на брата, стал ещё более ласковым, а в уголках глаз появились слезинки.

Находясь на мягкой циновке, младшая сестра и старший брат заключили друг друга в объятия, долгое время храня молчание.

Раздался голос Мяо Гуан, прерывая затянувшееся молчание:

— Младшая сестра императора ещё пришла сообщить новости старшему брату-императору. В последнее время по миру ходят слухи, что князь Мин был признан родным сыном господина Сяо Цзуна, который, в свою очередь, передал ему в качестве наследства всё имущество рода Сяо, и в будущем князь Мин должен отправиться в путешествие по странам, обследуя имущество рода Сяо.

С тех пор, как он получил новости о смерти Лун Тяня, Жо Янь неустанно приезжал в этот расположившийся на границе между Ли и Фаньцзя маленький городок — Лайи, а после воссоединения многочисленной армии сразу начал планировать, как одним укусом съесть Фаньцзя. Он был так занят, что слух, касающийся Фэн Мина, слышал впервые. Помолчав с минуту, мужчина внезапно изогнул губы в лёгкой улыбке:

— Очень храбро с его стороны, Жун Тянь составляет ему компанию в этой поездке? И сколько с ним солдат?

Мяо Гуан покачала головой:

— Мы не знаем ничего насчёт Жун Тяня. Я предполагаю, что, вероятно, он хочет вернуть себе престол и, не желая позволять князю ввязываться в войну, тайно отправился к границам Силэй, но, с другой стороны, позволил князю от имени молодого господина семьи Сяо отправиться по странам, дабы оградить его от бед, ну а положение князя крайне «чувствительное», и он обладает парочкой громадных опор в лице господина Сяо и Жун Тяня. На мой взгляд, теперь каждая маленькая страна напоказ, конечно, но всё же будет к нему относиться весьма почтительно.

— Позволил князю отправиться по странам, дабы оградить его от бед? Если действительно хочет этого, то самый безопасный способ — спрятать князя за спиной Жун Тяня, — Жо Янь задумался на какое-то время, а в глазах появился устрашающий блеск. — Раз уж Жун Тянь позволил князю отправиться в рискованное путешествие по странам, значит здесь что-то не так. Немедленно отправь людей, чтобы тщательно разузнали все новости о князе Мине.

Мяо Гуан, проронив «слушаюсь», поразмыслила и нерешительно спросила:

— Если старший брат-император вновь поймает князя Мина, то может наказать его?

Жо Янь не удержался от смеха:

— Ты боишься, что я его убью? Не беспокойся. Попав в руки этого императора, не исключена возможность, что князь Мин задумает покончить с собой, вот только как может этот император позволить ему так легко осуществить желаемое.

Будучи единственной родной младшей сестрой Жо Яня, Мяо Гуан хорошо изучила своего старшего брата и, внимательно вслушиваясь, каким именно тоном последний говорит о князе Мине, и понимая, что крайне непредсказуемый император Ли в данный момент не лукавил,

девушка слегка успокоилась. Поймав князя Мина, он навряд ли причинит ему вред. После чего, сойдя с мягкой циновки, Мяо Гуан опустилась на колени перед Жо Янем и доложила:

— Удобный случай редко выпадает, Мяо Гуан хочет просить старшего брата-императора оказать милость: обещайте, что позволите Мяо Гуан проникнуть во все страны, где она будет выжидать удобного случая схватить князя Мина, дабы искупить то преступление, что она совершила на реке Оман, своевольно отпустив князя Мина.

Спустя долгое молчание император Ли наконец-то проговорил, потворствуя:

— Этот император сейчас занят Фаньцзя и действительно не может уехать, всё бросив. Хорошо, позволю тебе выполнить задуманное, и будь осторожна, ведь если Фаньцзя погибнет и все страны поменяют своё отношение к моему Ли, положение станет ещё опаснее, чем раньше. Старший брат-император отправляет одного человека для твоего сопровождения, который в пути будет помогать.

Женственная и сметливая Мяо Гуан, едва услышав, сразу поняла, о ком речь, и со смехом прошептала:

— За Фаньцзя, боюсь, может случиться великая битва, поэтому при старшем брате-императоре должны быть талантливые люди, а если он последует за мной, то как быть старшему брату-императору?

На что Жо Янь с хохотом ответил:

— У этого императора есть несколько сотен тысяч отборных войск, готовых тотчас же ринуться в бой, стоит только щёлкнуть пальцами, разве сложно будет справиться с одной маленькой страной — Фаньцзя? Отправляйся.

— Слушаюсь и повинуюсь указу государя. — Мяо Гуан плавно поклонилась, повернулась и уже было направилась к двери, как внезапно за спиной раздался голос Жо Яня: — Подожди.

Девушка, вернувшись, подошла к императору Ли:

— У старшего брата-императора остались ещё какие-то приказы?

Подняв выдающееся и высокое тело, Жо Янь сошёл с мягкой циновки и, сделав шаг, встал перед Мяо Гуан. Сверху вниз посмотрев на лицо родной младшей сестры, мужчина неспешно повелел:

— Тему о том, что тайно помогла князю Мину покинуть берег реки Оман, отныне больше не стоит поднимать, но этот император совершенно не потерпит, если подобное повторится вновь.

Мяо Гуан, встретившись со взглядом брата, через мгновение опустила голову и грациозно преклонила колени, спокойным тоном говоря:

— Старший брат-император может не волноваться.

После того, как силуэт девушки исчез за дверью, Жо Янь несколько минут хранил молчание, находясь в своей тихой и пышно обставленной загородной резиденции, но вскоре неожиданно громко приказал слугам:

— Кто-нибудь, приведите Сы Цяна[6].

Вскоре вошёл безупречно наряженный Сы Цян, подняв взгляд, посмотрел на стоящего в комнате Жо Яня, и тотчас же добрый стройный силуэт у дверей наполнился чувством угнетения. Спешно опустившись на колени, молодой человек проговорил:

— Сы Цян, получив приказ государя, пришёл позаботиться о Вашем Величестве.

— Поднимись. — Жо Янь стоял спиной к нему, не позволяя Сы Цяну увидеть своих эмоций, молодой человек только лишь услышал холодный приказ императора Ли: — Подойди к мягкой циновке и ляг.

— Слушаюсь.

Сы Цян поднялся и с особой осторожностью подошёл к краю циновки, лёг и потупил взор, не смея смотреть в, по слухам, жестокие и опасные глаза императора Ли.

Молодой человек не являлся выходцем из страны Ли, а был из Фаньцзя, к границам которого приблизилось огромное войско Ли. Министр, всё ещё питавший чрезмерные надежды любой ценою добиваться временного спокойствия Фаньцзя, прислал Жо Яню красивых мальчиков, которых тот любил, с целью снискать его расположение. В одной партии «подношений» находилось двенадцать с броской внешностью юношей, все они были крайне миловидны, никогда не видевшие девушек, не говоря уже о мужчинах, да что уж там, они даже с женщинами никогда не ложились.

Юноши, оказавшись у императора Ли, хоть и стояли на коленях, не смея поднять головы, но он, Сы Цян, будучи от природы восприимчивым, с самого начала чувствовал на себе взгляд Жо Яня, отчего юноше казалось, что он сидит как на иголках, а всё тело покрылось холодным потом.

Но самое странное, что с того дня император Ли ни разу его не звал прислуживать, чего не скажешь о его товарищах, которых иногда Его Величество призывал к себе, а назад они возвращались окровавленные и с чудовищно пораненным задним проходом.

По слухам опытных мужчин, принимая мужчину в первый раз, сложно избежать ранений, в конце концов, наложник является лишь дешёвой игрушкой для утех, к тому же никто из знати не проявляет ни любви, ни жалости, где уж там интересоваться: первый ли раз у наложника или нет, приносишь удовольствие, и ладно. А император Ли — Жо Янь — как раз слыл ужасным тираном.

— Ты дрожишь.

Внезапно раздалось над головой, а Сы Цяна от испуга охватила сильная дрожь. Сейчас он находился в руках будущего разрушителя его родины императора Ли, который, сохраняя молчание, приблизился и, сев на мягкую циновку, смерил юношу крайне загадочным и в то же время острым, как клинок, взглядом, очевидно, приглядываясь к нему.

— Ваше... Ваше Величество...

Вытянув длинный благородный палец, мужчина неожиданно коснулся губ юноши, низким голосом приказывая:

— Сегодня ночью кусать этого императора запрещено, если не хочешь увидеть собственной крови, закрой глаза.

Сы Цян, дрожа всем телом, разжал нижнюю губу, в которую вцепился белыми зубами, и, покоровшись судьбе, закрыл глаза.

Юноша ожидал, когда нависнет большая беда, однако услышал наполненный уверенностью в себе голос, который спрашивал:

— Сы Цян, из всех присланных мне красивых мальчиков этот император запомнил только твоё имя, знаешь почему?

На что юноша боязливо ответил:

— Сы Цян не знает.

— Не нужно открывать глаза, если посмеешь это сделать, этот император сразу выколет их, — он как ни в чём не бывало сделал предупреждение, после чего тон снова изменился, став ласковым, а сам Жо Янь усмехнулся: — Само собой, это из-за того, что ты немного напоминаешь одного человека.

Сы Цян не осмелился спрашивать, кого именно, лишь повиновался приказу государя, крепко зажмурил глаза.

Казалось, Жо Янь говорит ему и в то же время разговаривает сам с собой, тихо продолжая:

— Когда этот человек, закрыв глаза, притворился спящим, очень походил на тебя сейчас, вот только стоило мне слегка коснуться его, как он невольно вздрагивал.

Рука мужчины скользнула по плечу Сы Цяна, и последний действительно задрожал всем телом, а Жо Янь ухмыльнулся:

— Ты притворяешься спящим? Переоделся в другого человека, думая, что сможешь укрыться от этого императора? Эта лёгкая дрожь, ты словно простой замёрзший котёнок, вот только твои коготки всё же такие острые, что одним их взмахом ты уничтожил мою многотысячную армию Ли.

Кончик пальца Жо Яня поглаживал молодой и гладкий подбородок Сы Цяна, изредка с жестокостью вонзая ноготь в очень нежную кожу, и хоть крови не было, но боль заставляла Сы Цяна нахмуриться, делая его ещё более хрупким.

Будучи до этого предупреждённым, Сы Цян не то, что глаза, один глаз открыть боялся, лишь лежал на спине на мягкой циновке, принимая игру Его Величества, как внезапно вновь услышал ласковый голос Жо Яня:

— Не бойся. Ты сейчас хоть и боишься меня, но когда-нибудь я позволю тебе забыть обо всех, в твоих глазах буду лишь я. А если я, Жо Янь, чего-то захочу, то уже никогда не выпущу из своих рук, понял?

Его тон звучал необычайно ласково и с чрезмерной любовью, словно мужчина ворковал со своим возлюбленным, однако в этом голосе по-прежнему чувствовался бросающий в дрожь[7] холод. Несмотря на это, Сы Цян, услышав сладкие речи от императора Ли, обомлел и немного изумился, более того, он растворялся в неопишуемых чувствах.

Пока юноша обдумывал всё это, его губ коснулось что-то тёплое — две мягкие и горячие половинки накрыли его до этого от страха посиневшие тонкие губы. Сы Цян на несколько минут замер и только потом, придя в себя, понял, что это было.

В этот момент юноша не знал, почему разволновался, и, забыв о строгом наказе императора Ли, невольно открыл глаза, «ныряя» взглядом в находящиеся близко чёрные как смоль, холодные глаза, взгляд которых был острее меча.

Вдруг Сы Цян почувствовал, будто под взглядом этих глаз его дух и разум от страха взмыли высь, оставив тело не в состоянии пошевелиться.

— Ты открыл глаза, — голос Жо Яня ни на волос не дрогнул, словно тяжёлый молот втолкнул Сы Цяна в небесные врата. Задрожав, юноша наконец-то опомнился и с испугом на лице

умоляюще уставился на императора Ли.

С безэмоциональным видом Жо Янь смерил его взглядом, атмосфера стала настолько холодной и тяжёлой, что почти сдавила горло.

Когда Сы Цян уже представлял неизбежное наказание в виде лишения глаз, над головой «злой дух», в чьих руках сейчас была его судьба, слегка разомкнул губы, обнажая блёклую улыбку:

— Ладно, этот император сегодня в хорошем расположении духа и прощает твою маленькую провинность.

Договорив, мужчина больше не обращал внимания на Сы Цяна, а повернулся и, взяв со стола первую попавшуюся докладную о Юэчжун, специально доставленную ему, начал пробегать взглядом.

Внутри воцарилась необычная тишина, казалось, все даже затаили дыхание[8].

В докладной же говорилось об урожайной земле, находящейся на западе рядом с Ли, и погоде, вовсе ничего интересного, однако на мужественном и ясном лице Жо Яня невольно появилась еле заметная улыбка.

А тот, похожий на трусливого белого зайчика, но оказавшийся смелее леопарда мальчишка неожиданно отправился в кругосветное путешествие. С тех пор, когда Жо Янь уничтожил лагерь Жун Тяня в Юньинь, император Ли полагал, что Жун Тянь спрячет своего любимого феникса.

Прекрасно, его самодовольная натура выдала собственное местонахождение. «Князь Мин из Силэй, долго не виделись. Ты, как и раньше, наверняка ещё более изящен, красив и великолепен?»

Примечания:

[1] Обр. добиться осуществления своих желаний; мечты сбылись.

[2] 开局 (и куай да мань) — данный термин исходит от китайских шахмат — сянци — и дословно переводится как «со скорейшим ударом медлить». Как советовал Ли Жуйхуань, китайский политический деятель: «Победа зависит от наивысшей тактики. Когда игра началась и все фигуры расставлены, есть возможность шаховать с самого начала. Но нужно продвигаться шаг за шагом, постепенно ловя фигуры противника и разрушая его атаку и защиту. Когда настанет момент, его короля надо будет заматовать сразу. Тогда ты победишь». Иными словами, «надо хвататься за возможность в правильный момент».

[3] Такие брови придают строгий вид лицу.

[4] Обр. в знач.: тормозить, мешать, чинить препятствия, совать палки в колёса.

[5] □□□□□□□□ можно также перевести как «не бывает генерала без поражений»; «победы и поражения для военного — обычное дело»; «военное счастье изменчиво»

[6] Имя переводится как «любящая\тоскующая роза».

[7] В оригинале фраза звучит как «и не холодно, а дрожь», обр. в знач.: содрогнуться от страха, прийти в ужас, бросить в дрожь.

[8] В оригинале фраза звучит как «заглушить звук и скрыть следы», обр. в знач.: бесследно исчезнуть, пропасть.

<http://bllate.org/book/13377/1190214>